
С.Н. Мареев о Гегеле и парадоксах советской философии

© 2020 г.   Е.В. Мареева

Московский государственный институт культуры, Химки, 141406, ул. Библиотечная, д. 7;
Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС» (Институт),
Москва, 109147, ул. Марксистская, д. 34, корп. 7.

E-mail: e.v.mareeva@yandex.ru

Поступила 17.01.2020

В статье рассматриваются особенности историко-философского анализа, как его понимал марксист, доктор философских наук, профессор Сергей Николаевич Мареев (1941–2019), который исходил из диалектики исторического и логического в научном исследовании в трактовке Э.В. Ильенкова. Автор статьи подчеркивает, что в этой традиции, вслед за Гегелем, каждое серьезное философское учение рассматривается как момент истины, который имманентен процессу движения от абстрактного к конкретно-всеобщему. Но в любом историческом исследовании, включая историю философии, нужно избегать крайности абстрактного диктата закономерности по отношению к историческим фактам, а также некритического следования хронологии. С этих позиций в статье рассмотрено исследование Мареевым формирования диамата и истмата в его монографии «Из истории советской философии: Лукач – Выготский – Ильенков»: если диамат стал новой версией онтологии, то истмат – новой версией философии истории. Мареев был согласен с Ильенковым в том, что метафизический характер официальной версии советской философии не был случайным. Это было одним из следствий того, что советское общество смогло реализовать лишь формальное, а не реальное обобществление. Но неудача советского общества была вписана в глобальный кризис современного общества, где технический прогресс сочетается с усугублением отчуждения в его различных формах.

Ключевые слова: Мареев, Ильенков, Гегель, Ленин, советская философия, диамат, онтология, метафизическая форма диалектики, формальное и реальное обобществление.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–8–150–156

Цитирование: *Мареева Е.В.* С.Н. Мареев о Гегеле и парадоксах советской философии // Вопросы философии. 2020. № 8. С. 150–156.

S.N. Mareev on Hegel and Paradoxes of Soviet Philosophy

© 2020 Elena V. Mareeva

Moscow State Institute of Culture, 7, Bibliotchnaya str., Khimki, 141406, Russian Federation;
Moscow International Higher Business School "MIRBIS" (Institute),
34, b. 7, Marksistskaya str., Moscow, 109147, Russian Federation.

E-mail: e.v.mareeva@yandex.ru

Received 17.01.2020

The article discusses the features of historical and philosophical analysis, as understood by Marxist Sergei Nikolaevich Mareev (1941–2019). He proceeded from E.V. Ilyenkov's conception of dialectic of the historical and the logical in scientific research. The author emphasizes, that in this tradition, after Hegel, each serious philosophical theory is considered as a moment of truth, which is immanent in a movement from the abstract to the concrete universal. But in any historical research, including the history of philosophy, one should avoid abstract dictate of the laws of history over historical facts, as well as uncritical following the chronology. From this perspective, the author reviews Mareev's research of the genesis of dialectical and historical materialism in his monograph *From the history of Soviet Philosophy: Lukács – Vygotsky – Ilyenkov*: the very problem of the identity of forms of thought and being disappears in diamat, which did not happen in Hegel. Mareev agreed with Ilyenkov that the official version of Soviet philosophy was metaphysical, and not by accident. That was one of the consequences of the fact that Soviet society could realize only formal socialization, and not the real one. But the failure of Soviet society was a part of the global crisis of modern society, where technological progress is combined with the aggravation of alienation in its various forms.

Keywords: Mareev, Ilyenkov, Hegel, Lenin, Soviet philosophy, dialectical materialism, ontology, the metaphysical form of dialectics, formal and real socialization.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–8–150–156

Citation: Mareeva, Elena V. (2020) 'S.N. Mareev on Hegel and paradoxes of Soviet philosophy', *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2020), pp. 150–156.

С.Н. Мареев неслучайно начинает представленную в этом номере статью о Гегеле с критики М.К. Мамардашвили. Именно Гегелю принадлежит мысль о том, что философия невозможна без истории философии. «...изучение истории философии, – пишет он в «Лекциях по истории философии», – есть изучение самой философии, да это и не может быть иначе» [Гегель 1993, 93]. Именно такой взгляд на философию был чужд Мамардашвили, который в этом плане был солидарен с философской традицией, идущей от Артура Шопенгауэра – антипода Гегеля. Но та же мысль о единстве философии и истории философии была близка учителю Мареева – Э.В. Ильенкову. В одной из своих последних статей В.М. Межуев противопоставляет Ильенкова и Мамардашвили как философских кумиров оттепели и застоя» [Межуев 2013]. Мамардашвили декларирует отвращение именно к тому в гегелевском понимании истории философии, в чем, по мнению Ильенкова, состоит его достоинство. Для Мамардашвили рассматривать Канта «как ступеньку к чему-нибудь» – распространенный «предрассудок» [Мамардашвили 1992, 121–122]. У Ильенкова, и вслед за ним у Мареева, подход к Канту как «ступеньке» не лишает его философию самобытности. Но эта самобытность выражает не самое себя, а представляет в особенном всеобщее – движение

к истине в адекватной ей истинной форме. У Гегеля такой высший пункт связан с его абсолютным идеализмом, у Ильенкова – с марксизмом.

Э.В. Ильенков не был профессиональным историком философии. Что уж говорить о Марееве, который не проявлял дотошности в текстуальном анализе и предпочитал первоисточники комментирующей литературе. Он делал собственные переводы с польского и немецкого языков. Польский ему понадобился во время учебы на философском факультете МГУ при написании дипломной работы по кафедре логики. Польский язык в те времена открывал доступ к материалам известной Львовско-Варшавской логической школы.

Немецкий язык открыл ему подлинных Гегеля и Маркса. Некоторое время Мареев трудился в секторе произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где работал с текстами Ф. Энгельса. В дальнейшем он делал переводы для себя, так сказать, для уяснения сути дела. Целью в таком случае была не буквальная точность перевода, а смысл написанного классиками, который обнаруживается последующим философским развитием, ибо каждое серьезное философское учение представляет собой момент истины, который имманентен процессу движения от абстрактного к конкретно-всеобщему, считал Мареев.

Но зафиксироваться на этом пункте – значит не увидеть разницы между Гегелем и Марксом. Абстрактный историзм типа гегелевского отличается тем, что уже выделенная закономерность в развитии истории довлеет над историческими фактами. Специфические черты в таком случае растворяются в априорной конструкции, игнорирующей своеобразие времени и историческую случайность. Понятно, что гегелевское понимание истории серьезнее абстрактной мировой схематики. Но принцип конкретного историзма в научном исследовании, как доказывал Мареев в докторской диссертации, находится за пределами воспроизведения априорной конструкции, с одной стороны, и некритического следования хронологии – с другой [Мареев 1984].

Диалектика исторического и логического в этой работе исследовалась им на примере «Капитала» К. Маркса с историко-философскими экскурсами. При этом именно логика, как показывает Мареев, является объективным критерием отбора фактов и ориентиром в их интерпретации. Понимание логики процесса должно уберечь нас от отождествления истории со слепой хронологией. «То есть Маркс предупреждает, – пишет он, – во-первых, против историзма, который путает историю с хронологией, а во-вторых, против историзма, который делает логическую точку зрения решающей для истории, иначе – против произвольного схематизма» [Там же, 112]. Другими словами, от истории поначалу в исследовании абстрагируются, чтобы снова к ней вернуться, чего и не происходит в абстрактном историзме гегелевского типа.

Мареев любил повторять, что история формирует свою логику, выделявая всевозможные кренделя, двигаясь задом, передом, боком и даже кувырком. Что касается марксизма, то XX в. знал множество его форм, связанных с конкретно-исторической спецификой. Так, уже в конце 80-х гг. появилась тенденция разбираться с феноменом советской философии, и в этих работах, по понятным причинам, делался акцент на ее подчинении официальной идеологии. С тех пор прошло более 30 лет, в прошлом остался пик увлечения русской философией XIX в., и в интересе к советской философии идеологический крен сменяется определенной академической обстоятельностью. Но тогда, в 80-е и 90-е гг., само упоминание имени Маркса вызывало в лучшем случае усмешку. И на этом фоне Мареев стал подробно изучать, опираясь на вновь открывшиеся источники, из какой традиции в мировой философии происходят диалектика и истмат и что им было противопоставлено, прежде всего, в лице Ильенкова. В дальнейшем этот материал вошел в книгу Мареева «Из истории советской философии: Лукач – Выготский – Ильенков» [Мареев 2008].

В рассуждениях о советском философском официозе Мареев неоднократно ссылается на книги А.В. Потемкина – «О специфике философского знания» [Потемкин 1973] и «Проблема специфики философии в диалектической традиции» [Потемкин 1980]. Бывший фронтовик Потемкин был не только единомышленником, но и другом

Ильенкова. Большую часть жизни он преподавал на философском факультете Ростовского госуниверситета. При этом Потемкин так и не смог добиться в 80-х гг. присуждения ему степени доктора философских наук, поскольку это решение было как раз за теми, кого он имел в виду, когда писал о превращении марксистской философии в метафизическую доктрину. В форме диатрибы, то есть поучения, идущего от античности и окончательно сложившегося в схоластике, марксистская философия в итоге представляла уже не только в учебной, но и в научной литературе, окончательно утратив свой критический дух, если под ним понимать не огульное отрицание, а снимающую критику как имманентное свойство всякой серьезной философии¹.

Разворачивая эту тему уже в новых условиях, Мареев показывает, каким образом формирование диамата было становлением новой версии онтологии, против которой в свое время выступал Гегель. К этому приложили руку не только русские марксисты, включая Г.В. Плеханова, но и теоретики II Интернационала – Карл Каутский и др. «Где теперь, – цитирует Мареев Гегеля, – мы услышим или где теперь смеют еще раздаваться голоса прежней онтологии, рациональной психологии, космологии или даже прежней естественной теологии?» [Гегель 1970^a, 75]. «Он думал, – пишет Мареев далее о Гегеле, – что со всем этим покончил уже И. Кант. Нет, рано они хоронили “онтологию”. Она возродилась, кто бы мог подумать, внутри самого революционного, самого критического направления в философии – внутри “диамата”!» [Мареев 2008, 9]. Речь идет о том, что догмой и доктриной в советской философии становится материалистическая диалектика, категории которой выражают не диалектический метод и логику научного мышления, а категориальное строение самой действительности, всего мироздания. Но разве этого момента нет в идеалистической диалектике Гегеля, которая неотделима от его грандиозной системы мира?

В своей критике диамата Мареев подчеркивает, что в материалистической диалектике (о чем много написано в «Диалектике природы» Ф. Энгельса²), категории как всеобщие формы логики отражают всеобщие формы бытия. А в диамате речь уже идет о диалектических законах и всеобщих формах бытия самих по себе в рамках «общей теории развития», при этом изучением форм мышления философы занимаются отдельно и необязательно с гегелевских позиций. Характеризуя сложившуюся ситуацию с материалистической диалектикой, Мареев использует выражение «метафизическая форма диалектики», в котором представлена не парадоксальная игра слов, но особое противоречивое содержание. «В рамках такого материализма, – пишет Мареев, – диалектика стала также истолковываться онтологически. А в результате советский “диамат” породил парадоксальное явление, а именно *метафизическую форму диалектики*» [Там же, 16].

Иначе говоря, своеобразие диамата как новой версии онтологии, теперь уже развернувшейся на почве марксизма, состоит в том, что это метафизическая форма именно *диалектики*. В итоге в диамате из философского рассмотрения изымалась сама проблема тождества форм мышления и форм бытия, на чем, собственно, стоит весь гегелевский идеализм. Фактически из него изымалась суть философской проблемы *отношения мышления к бытию*.

Совсем иначе обстоят дела в системе абсолютного идеализма Гегеля, которая выстраивается им на ином методологическом фундаменте. Если дух имманентен природному и историческому бытию, то главной проблемой оказывается их *отношение* – от неотрефлектированного простого тождества до диалектического опосредствования всем миром культуры. Но чтобы увидеть и оценить эти моменты, «защитые» в системе абсолютного идеализма Гегеля, нужно смотреть на нее глазами Маркса или Ильенкова. Мареев часто ссылается на то место в «Феноменологии духа», где сказано: «...разум есть *целесообразное действие*» [Гегель 1994, 11]. И еще: «В орудии или обработанной, сделанной плодородной пашне я владею *возможностью, содержанием* как содержанием всеобщим» [Гегель 1970^b, 307]. Здесь нет развитого понятия труда, но есть его исток в объяснении категориального освоения человеком мира.

Итак, если диамат стал новой версией онтологии, то истмат – новой версией философии истории, а значит, в обоих случаях перед нами абстрактная мировая схематика – об устройстве природы, с одной стороны, и устройстве общества – с другой. В этом свете движение от Канта к Гегелю (в чем Мареев был полностью согласен с Ильенковым) является становлением иного понимания философии как диалектической логики, в которой снимается учение об исторической сущности человека. В марксизме основу тождества категорий как объективных форм мышления и всеобщих форм бытия составляет их деятельное опосредствование – материальная практика, о чем мы впервые узнаем из Марксовых «Тезисов о Фейербахе».

Мареев всегда с уважением отзывался о Ленине как философе, включая его работу «Материализм и эмпириокритицизм», хотя перечитывал и цитировал он все-таки чаще «Философские тетради». За всем этим стояла, скорее всего, уважительная оценка той эволюции в понимании как диалектики, так и материализма, которую Ленин прошел за шесть лет от «Материализма и эмпириокритицизма» до «Философских тетрадей». По сути это было движение ленинской мысли от созерцательного материализма к диалектическому материализму в духе гегельянства, и критика Лениным Плеханова в «Философских тетрадях» была уже критикой своих прежних взглядов. Что касается культа ленинской теории отражения, в которой в советские времена видели главное философское достижение Ленина, то в этом вопросе Мареев, как и Ильенков, занимали более сдержанную позицию, предлагая в своих текстах ее «более диалектическое» толкование.

В работе «Из истории советской философии: Лукач – Выготский – Ильенков» Мареев делает акцент, в частности, на том, как трансформируется у Ленина понятие материи. «Если в 1908 году он определяет материю предельно широко – в рамках основного вопроса философии, – пишет Мареев о Ленине, – то в “Философских тетрадях” речь идет об углублении понятия материи до субстанции. <...> Во втором случае ему важно понять, как именно материя порождает сознание. И здесь без гегелевской диалектики и без Спинозовского понятия субстанции никак не обойтись» [Мареев 2008, 36–37]. Причем в данном случае, подчеркивает Мареев, речь идет не о диалектике природы, а о диалектике истории и социальной жизни.

В связи с этим есть повод обратиться к работе Н. Валентинова (Вольского) «Встречи с Лениным», в той части, где он рассуждает о «Философских тетрадях» и приходит к выводу о том, что они сводят на нет философский авторитет Плеханова. Если в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин, по словам Валентинова, при упоминании философского идеализма приходил в ярость, то в «Философских тетрадях» он уже берет идеализм под свою защиту, когда пишет: «Философский идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического» [Ленин 1969, 322]. Н. Валентинов считает, что «прежние взгляды на материализм у Ленина под влиянием Гегеля ломаются» [Валентинов web]. «Вот какую прогулку в далекие метафизические дебри, – заключает он, – совершил Владимир Ильич Ленин под руку с Егором Федоровичем Гегелем» [Там же].

Метафизические дебри Валентинов, скорее всего, понимает здесь буквально, полагая, что Ленин в свои философские тетрадки выписывал из Гегеля всякую диалектическую абракадабру. Для нас же более интересно другое замечание Валентинова, где он пишет, что из «умного идеализма», выжимаемого из «Логики» Гегеля, можно сфабриковать «новую разновидность метафизики в виде некоей диалектической, с «самодвижением всего сущего», онтологии» [Там же].

Книга Валентинова о Ленине была написана в 1953 г., когда дело было сделано, и советский «диамат» как метафизическое построение об «общих законах развития» стал официальной философской доктриной в СССР. Валентинов, который когда-то исповедовал махизм, по понятным причинам, негативно оценивал советский марксизм, полагая, что истоки новой «диалектической» метафизики в рамках марксизма можно найти не только в «Материализме и эмпириокритицизме», но и в материалистическом прочтении Лениным Гегеля. Это была интересная, но голословная заявка

на исследование основ и формирования советской философии – работы, которую посвоему проделал Мареев в монографии «Из истории советской философии: Лукач – Выготский – Ильенков».

Анализ Мареевым трансформации марксизма в советской философии уже не был ограничен цензурными рамками, которые были у Ильенкова и Потемкина. И выходило, что внутри советской философии мы наблюдаем то противостояние сил, которое по большому счету существовало во времена самого Гегеля. За сто и даже двести лет, при всех катаклизмах и социальных революциях, менялись исторические обстоятельства, определяющие форму философского знания, но не поменялась их суть. В статье «Э.В. Ильенков и социализм» Мареев, уже после «сокрушительных» реформ 90-х, показывает, что советский социализм был действительно обречен, поскольку, как писал Ильенков в письме Ю.А. Жданову (1968), в советском обществе так и не удалось осуществить важнейший переход от формального к реальному обобществлению. Но эта неудача при всей ее уникальности оказалась встроена в современный глобальный кризис, когда технический прогресс способен усугублять отчуждение человека от человека, от власти, от духовной культуры, что как раз характеризует, по Марксу, «предысторию» человечества [Мареев 2004].

* * *

Понятно, что Мареев в истории философии не ограничивался критикой диамата. Главной проблемой, стягивающей в один узел всю философию – классическую и неклассическую, – Сергей Николаевич Мареев считал проблему идеального в ее ильенковской трактовке. Через призму снимающей критики, связанной с проблемой идеального, мы попытались рассмотреть историю философии в совместном учебнике еще начала 2000-х гг. [Мареев, Мареева 2004]. Была мысль переписать учебник и усилить в нем эту тему. Но жизнь распорядилась иначе.

Примечания

¹ Можно согласиться с К. Поппером в том, что в марксизме присутствует претензия на абсолютную истину. Но в основе его критики марксизма – отождествление особенностей исторической формы (диамата и истмата) со всеобщим. Таким образом, основанием критики догматизма оказывается все тот же догматизм, чем пресекается путь к снимающей критике.

² Мареев указывает на то, что Энгельс дает повод толковать материалистическую диалектику как «общую теорию развития». Однако это только повод, который воспринимает как руководство к действию, среди прочих, патриарх русского марксизма Г.В. Плеханов (См. об этом подробнее: [Мареев 2008, 28]).

Источники – Primary Sources in Russian and Russian Translation

Гегель 1970^a – Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970 [Hegel, Georg W.F. *Wissenschaft der Logik* (Russian Translation)].

Гегель 1970^b – Гегель Г.В.Ф. Иенская реальная философия // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В 2 т. М.: Мысль, 1970. Т. 1 [Hegel, Georg W.F. *Jenaer Realphilosophie* (Russian Translation)].

Гегель 1993 – Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. В 3 кн. Кн. 1. СПб.: Наука, 1993 [Hegel, Georg W.F. *Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie* (Russian Translation)].

Гегель 1994 – Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука. 1994 [Hegel, Georg W.F. *Die Phänomenologie des Geistes* (Russian Translation)].

Ильенков 1991 – Ильенков Э.В. Маркс и западный мир / Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 156–169 [Ilyenkov, Evald V. *Marx and the Western world* (in Russian)].

Ленин 1969 – Ленин В.И. К вопросу о диалектике // Ленин В.И. Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 29. М.: Изд-во политической литературы, 1969 [Lenin, Vladimir I. *On the Question of Dialectics* (in Russian)].

Мамардашвили 1992 – Мамардашвили М.К. Кантианские вариации // Квинтэссенция. Философский альманах. 1991. М.: Политиздат, 1992. С. 120–157 [Mamardashvili, Merab K. *Kantian variations* (in Russian)].

Мареев 1984 – *Мареев С.Н.* Дialeктика исторического и логического и конкретный историзм К. Маркса. М.: Наука, 1984 [Mareev, Sergei N. *Dialectic of the Historical and the Logical and Concrete Historicism of Marx* (in Russian)].

Потемкин 1973 – *Потемкин А.В.* О специфике философского знания. Ростов-на-Дону: РГУ, 1973 [Potemkin, Aleksei V., *On the Peculiarity of Philosophical Knowledge* (in Russian)].

Потемкин 1980 – *Потемкин А.В.* Проблема специфики философии в диатрибической традиции. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1980 [Potemkin, Aleksei V., *The Problem of the Peculiarity of Philosophy in Diatribic Tradition* (in Russian)].

Ссылки – References in Russian

Валентинов web – *Валентинов Н.* Встречи с Лениным // <https://www.litmir.me/br/?b=44025&p=72>

Мареев 2004 – *Мареев С.Н.* Э.В. Ильенков и социализм // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 101–110.

Мареев 2008 – *Мареев С.Н.* Из истории советской философии: Лукач – Выготский – Ильенков. М.: Культурная революция, 2008.

Мареев, Мареева 2004 – *Мареев С.Н. Мареева Е.В.* История философии (общий курс). М.: Академический проект. 2004.

Мареева 2015 – *Мареева Е.В.* Две трактовки гегелевской диалектики в работах В.И. Ленина // Альтернативы. 2015. № 4. С. 30–40.

Межуев 2013 – *Межуев В.М.* Эвальд Ильенков и Мераб Мамардашвили: от философии периода «оттепели» к философии периода «застоя» // Политическая концептология. 2013. № 1. С. 72–82.

References

Valentinov, Nikolai (1953) “Meetings with Lenin” // <https://www.litmir.me/br/?b=44025&p=72> (In Russian).

Mareev, Sergei N. (2008) *From the History of Soviet Philosophy: Lukács – Vygotsky – Ilyenkov, The Cultural Revolution*, Moscow (in Russian).

Mareev, Sergei N. (2004) “E.V. Ilyenkov and Socialism”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 3 (2004), pp. 101–110 (in Russian).

Mareev, Sergei N., Mareeva, Elena V. (2004) *The History of Philosophy (General Course)*, Academic Project, Moscow (in Russian).

Mareeva, Elena V. (2015) “Two Interpretations of the Hegelian Dialectics in the Works of V.I. Lenin”, *Alternatives*, 4, pp. 30–40 (in Russian).

Mareeva, Elena V., Mareev, Sergei N. (2018) “Hegelian Dialectics and Soviet Marxism (from Vladimir Lenin to Evald Ilyenkov)”, *Hegelian Marxism The Uses of Hegel’s Philosophy in Marxist Theory from Georg Lukács to Slavoj Žižek*, Elanders, Stockholm, pp. 61–79.

Mezhuev, Vadim M. (2013) “Evald Ilyenkov and Merab Mamardashvili: From the Philosophy of Thaw to the Philosophy of Stagnation”, *Political Conceptology*, 1, pp. 72–82 (in Russian).

Сведения об авторе

МАРЕЕВА Елена Валентиновна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Московского государственного института культуры; завкафедрой общеобразовательных дисциплин Московской международной высшей школы бизнеса «МИРБИС» (Институт).

Author’s information

MAREEVA Elena V. – DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of the Moscow State Institute of Culture; The Head of Department of the General Subjects Moscow International Higher Business School “MIRBIS” (Institute).